

А. Д. Наумов

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НАУМОВ, КАКИМ ЕГО НЕ ЗНАЛИ СОСЛУЖИВЦЫ

Когда я учился в Университете, преподаватели довольно часто спрашивали меня, имею ли я отношение к Донату Владимировичу? И только на кафедре ботаники низших растений задали другой вопрос «А вы не родственник Николая Александровича?» Это было и неожиданно, и приятно: ведь я действительно прихожусь ему внучатым племянником, хотя помню его не слишком хорошо.

То, что я пишу, — нельзя назвать воспоминаниями. Это, скорее, уходящие в прошлое отрывочные сведения и семейные предания. Я не могу быть уверен в точности сообщаемого мною, потому что многие, хорошо знавшие Николая Александровича, уже давно ушли из жизни, и документов сохранилось мало. Большую часть того, о чем здесь говорится, мне рассказывал мой отец. Кое-что я почерпнул из воспоминаний его младшего брата Владлена. Спросить их, правильно ли я запомнил, уже, к сожалению, невозможно. И все же, я надеюсь, мне удалось поведать о той стороне жизни дяди Коли, как называли его в семье младшие поколения, которая мало кому известна.

Мой интерес к истории своей семьи возник при довольно необычных обстоятельствах.

Было ли мне уже 20 лет? Не думаю. Скорее 18. Мы с отцом и его братом Владленом, дядей Вадей, чинили лодочный мотор. Дело было летом, стояла душливая жара, из открытого окна со стороны Тучкова моста доносился лязг трамвая, а мы полуголые и потные, перемазанные машинным маслом и моторной копотью, были всецело погружены в недра своенравного устройства, не желавшего выполнять положенную ему работу. Домашние дяди Вади были на даче, квартирные соседи на работе, и мы рассчитывали к вечеру покончить с ремонтом.

Как открылась дверь, мы не заметили. Приятный голос произнес с легким акцентом:

— Здравствуйте. Я — Титчак.

На пороге стоял высокий седой человек в строгом сером костюме. Рядом с ним — чрезвычайно респектабельная пожилая дама, а из-за них выглядывала хорошенькая мордочка молодой девушки. Сказать по правде, эта троица составляла поразительный контраст с нашей, тем более что остолбеневшие от неожиданности физиономии членов ремонтной бригады не выражали чрезмерной работы мысли.

— Здравствуйте. Я — Титчак, — повторил незнакомец. — Здесь живет господин Николай Наумов?

Николай Александрович к тому времени уже несколько лет как умер. Да и жил он совсем не в этой квартире, а в другой. Правда, она располагалась в том же доме и на

Наумов Андрей Донатович — д-р биол. наук, главный научный сотрудник Зоологического института РАН; e-mail: andrewnmv@gmail.com

© А. Д. Наумов, 2013

том же этаже, но попасть в нее можно было только по соседней лестнице. Мне было совершенно непонятно, как могло случиться, что пожилой *господин* Титчак (весь его облик недвусмысленно говорил, что назвать его *товарищем* было бы непростительной ошибкой), искавший покойного дядю Колю, пришел к родственникам, жившим по моим представлениям совсем в другом месте. Да и вообще в то время, а это была первая половина шестидесятых годов, появление иностранца на частной квартире можно было объяснить только чудом. Но надо сказать, что отец с дядей Вадей разобрались в обстановке мгновенно. Их эти странные поиски несколько не удивили.

Через десять минут, несколько отмытые от черной моторной грязи и одетые в относительно чистые рубашки, мы уже пили чай с нашими гостями. Оказались они немцами, жителями неведомого города Гамбурга, расположенного в сказочной и принципиально недоступной стране ФРГ. (Мог ли я допустить тогда мысль, что лет через тридцать посетю этот город и даже не раз?!). Герр Титчак прекрасно, но несколько старомодно говорил по-русски, фрау Титчак не знала никакого языка, кроме немецкого, а фройляйн бойко болтала по-английски. Это сгубило меня. Мне не было еще и двадцати. Я тоже довольно сносно знал язык Туманного Альбиона. Можно ли осудить меня, что основное внимание я уделил своей милой соседке? Теперь я жалею об этом. Юные девушки прелестны, но в этом мире они есть всегда, а старики уходят безвозвратно, и мы навеки лишаемся их знаний и мудрости. Мне тогда надо было бы больше прислушиваться к словам старика, ведь он говорил о моей семье, о моих предках. Он рассказывал то, чего не знали ни отец, ни дядя Вадя. Он рассказывал о прошлом моих родных.

Сын немецкого дипломата, аккредитованного в Петербурге в начале XX века, он учился в Университете вместе с дядей Колей и нашел по памяти старую квартиру моего прадеда. Входную дверь забыли закрыть мы сами. Нет на свете чудес.

С тех пор прошла жизнь. Титчаки вернулись в свой Гамбург, и я больше не слышал о них ни слова. Как жалел я впоследствии, что нельзя уже больше увидеть человека, знавшего о нашей семье много такого, чего не знали мы сами! Это его слова заставили меня задуматься об ее истории. Чужой человек, мимолетная встреча, получасовое знакомство, несколько запомнившихся фраз...

Мой прадед, отец Николая Александровича, хоть и был сыном священника, избрал карьеру флотского офицера. Свою службу он начал в 1873 г. матросом, в 1876 г. стал гардемаринном, а в 1877 г. — мичманом. В 1882 г. он уже лейтенант. Будучи в этом чине, он одно время пребывал не то во Франции, не то в Швейцарии (хотя ума не приложу, зачем бы в эту горную страну Государь мог командировать моряка). Так или иначе, женился он на швейцарской француженке, которую в России называли Елизаветой Карловной. Было у них трое сыновей: Николай, Владимир и Алексей (рис. 1). В 1894 г. прадед становится капитаном II ранга и, соответственно, подполковником, а через шесть лет полковником и, по флотской терминологии, капитаном I ранга. В 1905 г. он уже генерал-майор (контр-адмирал) и помощник командира Петербургского порта, а с 1911 г. — генерал-лейтенант (вице-адмирал). С этого момента и до самой революции он занимал пост управляющего Петербургской речной полицией.

В семье Александра Николаевича и Елизаветы Карловны были в ходу языки обоих родителей, поэтому у детей было по два родных языка: русский и французский. Воспитывали сыновей с надлежащей военно-морской строгостью и помимо обычных школьных наук, включая немецкий и английский языки, обучали, кажется по швейцарской

Рис. 1. Братья Наумовы (слева направо): Алексей, Владимир, Николай (1906)

традиции, столярному и слесарному ремеслу, для чего были приглашены соответствующие специалисты, и был закуплен необходимый инструмент. Кое-что сохранилось до сих пор, в частности, ножной токарный станок по металлу и дереву, который сейчас стоит у меня в кабинете, и я иногда им пользуюсь: он до сих пор в рабочем состоянии. Традиция учить детей ремеслам в семье сохранилась, и до сих пор передается из поколения в поколение. Только специалистов уже не нанимают: отцы учат сыновей.

Все три адмиральских сына окончили Пажеский корпус. Встает вопрос: как это было возможно? Как утверждают Брокгауз и Ефрон в статье «Пажеский корпус», принимали туда только детей родителей, принадлежавших к первым трем классам Табели о рангах. К моменту поступления в Корпус старшего сына мой прадед принадлежал еще к 7-му классу, и только ко времени поступления младших дослужился до 6-го. До 3-го класса он дошел, когда все они Пажеский корпус уже окончили.

Впрочем, та же энциклопедия в статье «Дворянство» утверждает, что правом отдавать детей в это привилегированное учебное заведение обладали дворяне, записанные в пятую и шестую части Родословной книги. В пятую часть были записаны «титулами отличенные», но титулов, насколько я знаю, не было. Остается шестая часть, куда были занесены «древние благородные роды». Был ли наш род древним и благородным — понятия не имею. В Послужном списке моего прапрадеда Н. Н. Наумова сказано, что он происходил из духовного звания, но, насколько я понял все из той же энциклопедии, понятие это было расплывчатым, и дворянства, по-видимому, не исключало. Не знаю,

насколько верны мои соображения, но другой возможности отдать детей в Пажеский корпус, мне изыскать не удалось.

Судя по всему, обучение в двух старших классах Пажеского корпуса, где давали собственно военное образование, проводилось для всех воспитанников по единой программе, но служить их направляли в части по выбору выпускников, где они должны были прослужить не менее трех лет. Впрочем, служить в армии дяде Коле не пришлось. За год до окончания Пажеского корпуса во время последних летних каникул в 1906 г., вытаскивая на даче большой камень с огорода, он настолько сильно повредил правую ногу, что его пришлось срочно увозить в Петербург. Не знаю, что была за травма, но лечить ее нужно было хирургическим путем. Операцию делал родной дядя Михаил Николаевич Наумов, врач Семеновско-Александровского военного госпиталя, прямо на квартире, без госпитализации, но помогла она мало. Нога так до конца жизни и не сгибалась в колене, что хорошо видно на приведенной фотографии. В результате Пажеский корпус был окончен, чин подпоручика получен, но хромой выпускник к действительной службе пригоден не был. Поскольку военная карьера для него на этом кончилась, он поступил в Университет на физико-математической факультет, каковой и окончил по Ботаническому кабинету естественного отделения в 1910 г.

Научную карьеру дяди Коли до революции можно проследить по знаменитому справочнику «Весь Петербург». Сведения о нем появляются в издании 1913 г.: он числится коллежским секретарем, т. е. чином выше, чем после окончания Пажеского корпуса, и младшим специалистом по микологии при Департаменте земледелия. Начиная с 1915 г. он уже титулярный советник, а в 1917 г. в том же чине служил в Бюро по микологии и фитопатологии при ученическом комитете Министерства земледелия и на Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсах.

После революции дядя Коля работал в нескольких местах, а с середины 1920-х гг. в Университете на кафедре ботаники низших растений.

Со временем он стал крупным микологом, написал толстенный и весьма известный в свое время учебник «Болезни сельскохозяйственных растений», который сам же проиллюстрировал великолепными рисунками, и окончил свою жизнь членом-корреспондентом Академии наук.

В жизни дяди Коли был один совершенно неожиданный эпизод: он стал первым русским микологом, а может быть, и вообще первым в мире биологом, который попал в авиационную катастрофу.

Как это могло получиться, точно сказать нельзя. Имеющиеся сведения разрознены и противоречивы. По словам моего отца, в Пажеском корпусе дядя Коля готовился служить штурманом в авиации и поэтому участвовал в полетах. Это расходится с рассказом его младшего брата, который в своих воспоминаниях написал, что дядя Коля просто очень хотел полетать, и Александр Николаевич, пользуясь своими связями, о полете договорился. В этом рассказе приводится и дата полета без указания стиля: 17 сентября 1906 г. Причины катастрофы не указаны, сказано только, что аэроплан упал в Большую Невку неподалеку от Буддийского храма. Мальчишки, наблюдавшие за полетом и видевшие крушение, быстро вытащили пострадавших из воды, но авиатор, несмотря на это погиб, а дядя Коля спасся, хотя у него была сломана большая нога и порваны барабанные перепонки. Действительно, до конца своей жизни он очень плохо слышал. Сохранилась очень неважного качества фотография, сделанная человеком, который случайно оказался на месте происшествия. Растрерянный фотограф забыл сменить пластинку, и на сним-

ке сквозь разбитую машину, снятую дважды, просвечивает набережная Большой Невки, несколько человек в форме, видимо, полицейских, и кучки зевак.

Теперь уже очень трудно восстановить подробности, но в имеющихся сведениях есть и разночтения, и несоответствия фактам.

Прежде всего, в петербургских газетах за сентябрь 1906 г. нет упоминания об авиакатастрофе ни 4 (если дата, сохранившаяся в устной традиции, переведена в новый стиль), ни 17 сентября. Это очень странно: ведь и сейчас такое исключительно редкое событие как гибель самолета в черте города подробно освещается в прессе. Не подтверждает дату и фотография. Историки русской авиации утверждают, что на снимке, скорее всего, гидросамолет М-5 конструкции Д. П. Григоровича, выпущенный весной 1915 г. Однако относительно катастрофы самолета этой марки сведений я тоже не нашел. Зато есть сведения о катастрофе гидроплана М-2. Она случилась 13 сентября по новому стилю (или 31 августа по старому стилю) 1914 г. Машина на снимке в такой же степени похожа на М-5, как и на М-2. Эти самолеты отличались в основном двигателем. М-2 создавался как учебная машина, и было построено всего 2–3 опытных экземпляра. Едва ли не первый же испытательный полет закончился катастрофой, в которой погиб 24-летний авиатор Петр Владимирович Евсюков. Причиной катастрофы было то, что при маневрировании самолет задел крылом за водную поверхность.

По найденным мной сведениям катастрофа произошла в Петроградском Гребном порту, располагавшемся за юго-западе Васильевского острова. Данные эти, однако, сомнительны: дело в том, что Офицерская школа морской авиации в Гребном порту была открыта 28 июня 1915 г., и летать там раньше особых причин не было. Но стартовать оттуда гидроплан, конечно, мог. Это не означает, впрочем, что он там же и разбился.

По фотографии, сохранившейся в семейном архиве, узнать место катастрофы довольно сложно, но это — скорее набережная Большой Невки, чем Гребной порт. Набережные Большого Бассейна и Шкиперского канала были довольно плотно застроены зданиями, принадлежавшими различным военным ведомствам и к началу XX столетия были уже гранитными, а на снимке отчетливо видно бревенчатое укрепление берега, деревянный двухэтажный жилой дом и значительное пространство, заросшее достаточно высокими деревьями. Здание в лесах на правой части снимка может быть Буддийским храмом, строительство которого как раз оканчивалось в 1914 г. Если это действительно так, то деревянное здание слева от него не сохранилось.

Белое пятно в левой части снимка может быть вспышкой магниевой лампы, которой пытались осветить место происшествия. Катастрофа М-2 произошла в 6 ч вечера (относительно нашего декретного летнего времени в 8 ч). На фотографии запечатлены спасательные операции, которые невозможно начать мгновенно, так что, если предположение верно, то уже должно было начинаться темнеть.

Насколько реконструкция событий верна, решить трудно, но в пользу такой гипотезы говорит и сходство машины на фотографии с гидропланами серии М, и сходство обстоятельств трагического события, и совпадение месяца катастрофы М-2 с нашим семейным преданием, и гибель авиатора. Тот же факт, что полет был испытательным, заставляет задуматься: как же младший специалист по микологии при Департаменте земледелия мог оказаться его участником? Удовлетворительного ответа на этот вопрос, пожалуй, нет.

Октябрьский переворот 1917 г. привел к значительным переменам в жизни семьи. Александр Николаевич в 1918 г. пытался эмигрировать в Германию, но по пути умер от

инфаркта где-то в районе Сестрорецка. Времена наступили голодные, и тут выручила та самая дача, на огороде которой дядя Коля десять лет назад повредил ногу. Теперь под его руководством там развернулись обширные сельскохозяйственные работы. Земля была великолепной, и выращенные на ней овощи в прямом смысле спасли семью от голодной смерти.

От этого периода сохранилось забавное семенное предание, не знаю уж, насколько верное, гласящее, что зимой дядя Коля настаивал, что подпорченную картошку надо съедать в первую очередь, а так как все новые картофелины подвергались порче, то заметная часть урожая уходила в очистки. Так это, или — нет, но овощей хватало до весны.

В начале 1920-х гг. дядя Коля женился на женщине по имени Юлия Григорьевна, которую я помню, но о которой почти ничего не знаю. У них было две дочери — Мария Николаевна и Наталья Николаевна. Обе они впоследствии стали биологами. Мария многие годы работала в Зоологическом институте и здравствует поныне, а Наталья была ботаником. Она скончалась в прошлом году.

В те годы жизнь разбросала братьев Наумовых по разным городам. Дядя Коля остался в Ленинграде и продолжал жить в старой адмиральской квартире, превратившейся в коммуналку (рис. 2, 3). Теперь в ней живет его внук. Мой дед Владимир, служивший в армии в странно звучащем теперь звании помкомполка, большую часть года проводил по месту службы в Псковской области, а Алексей, по военной специальности артиллерист, служил в Москве. Но летом вся семья свозила на дачу под Ленинградом своих детей. Компания собиралась большая и шумная. Взрослые ежедневно проводили в детской среде замечательное соревнование, суть которого сводилась к следующему: «Кто больше всех съест супа, получит больше всех второго, ну, а кто съест больше всех второго, получит больше всех сладкого». Ходили по озеру под парусом на старом прадедовском тузике. Тузик, кстати говоря, был замечательный. Построенный как настоящий двухвесельный ял по всем правилам военно-морского флота, он имел штатное парусное вооружение, а на банки клались подушки.

Рис. 2. Н. А. Наумов (1888–1959)
Рисунок В. А. Наумова. Карандаш, бумага,
(1920-е гг.).

Рис. 3. Николай Александрович в садике
Князь-Владимирского собора (1930-е гг.)

Рис. 4. Н. А. Наумов. (Скорее всего, 1930-е или 1940-е гг.)

Не помню, не то сафьяновые, не то бархатные. Шлюпка эта (так же как большая часть обстановки и линолеум из господского дома) пропала во время войны.

Лето 1941 г. начиналось как обычно. В мае вскопали и засадили огород, а в начале июня семья со всеми детьми переехала на дачу, но долго наслаждаться летним отдыхом не пришлось. Уже в начале июля все трудоспособное население рыло противотанковые рвы, которые так и не оставили танки. В конце июля, нагрузив вещи на велосипед, отправились в город. Все 30 км от дачи до железнодорожной станции шли пешком. Дядя Коля, несмотря на большую ногу, — тоже. В Лугу поезда уже не ходили, мост через реку был взорван, и Толмачево было конечной станцией. Поезд по дороге бомбили.

Начало первой блокадной зимы дядя Коля вместе со всей семьей провел в осажденном Ленинграде, а затем все они были эвакуированы, скорее, ближе к весне. Ни дату эвакуации, ни ее место я не знаю (рис. 4).

В своем детстве до шести лет включительно я проводил лето на той самой даче, где мои предки жили еще до революции. Вот там я и встретался с дядей Колей. От тех времен в памяти осталось немного.

Рис. 5. Н. А. Наумов в последние годы жизни
У ручки кресла стоит его жена Юлия Григорьева.
Ребенок — скорее всего, их младший внук Юра. Конец пятидесятих годов.

Участок был большой, на нем сохранилось несколько строений. Мы жили в бывшей прачечной, а семья дяди Коли, как старшего в роду, в старом господском доме, который называли Большим. Запомнилась большая комната на первом этаже с длинным столом, вдоль которого стояли длиннющие сани, покрытые красным сукном, служившие скамейкой. Сани были еще дореволюционного происхождения. По рассказам моего отца до войны их использовали зимой для катания с крутого берега Красногорского озера, расположенного метрах в двухстах от усадьбы.

По моим воспоминаниям, большую часть лета дядя Коля проводил на даче с женой и старшим внуком Сашей. Общество дополняли немецкая овчарка — пес Алкид, замечательно пушистый кот Гном и большая степная черепаха. Помню свое удивление, когда я увидел, как дядя Коля сверлит ручной дрелью ее панцирь около хвоста. С помощью полученной таким способом дырки черепаха была привязана на веревочку, чтобы могла гулять, но не убегала. Возможно, были и какие-то птицы, потому что дядя Коля регулярно ходил с небольшим мешком в лес, где в ближайшем муравейнике собирал муравьиные яйца.

Помню, что он много возился со своим внуком и мастерил для него разные игрушки. Из них я запомнил только большие ножницы, похожие на те, которыми режут листовую металл, но сделанные из фанеры.

Я помню дядю Колю неважно. Вернее, не мог правильно оценить. Я был еще слишком юн, когда его не стало. Весь его облик — облик настоящего университетского профессора начала XX века — был непонятен мне. С сомнением невежественного и потому всезнающего детства, я считал его не более чем старым чудаком. Теперь я понимаю, что он был человеком исключительной эрудиции и высочайшей интеллигентности. Его влиянием во многом был обусловлен выбор профессии биолога его дочерьми Марией и Натальей, а также и племянником Донатом, моим отцом.

Я запомнил дядю Колю человеком исключительно тихим и скромным, всегда опиравшимся на палку, слышавшим только громкий крик и называвшим собранные мною, пятилетним, грибы латинскими названиями. До сих пор мне странно представить его себе воспитанником Пажеского корпуса, офицером и авиатором, способным подняться в воздух на этажерке с ненадежным мотором, обтянутой куском брезента (рис. 5).

Статья поступила в редакцию 1 апреля 2013 г.